

Глава 12. Где гнёт, там и сопротивление

Разговор затянулся почти на весь день. Когда Янь Шань вернулся в класс, до конца урока оставалось всего ничего, а там и время ужина.

Классный руководитель, учитель Чжан, заглянул к нему, чтобы расспросить о случившемся.

Выслушав его, он лишь беспомощно вздохнул:

— Я тебя понимаю, Шань-шань. Дело и впрямь спорное, школа сейчас пытается во всём разобраться. Учитель Лю требовал, чтобы я поговорил с твоими родителями, но в твоей ситуации... ты ведь один. Так что... забудем об этом.

Янь Шань молча смотрел на него. Тот неловко поскрёб затылок.

— Твоя задача — хорошо учиться и поступить туда, куда ты хочешь. А делом того ученика из седьмого класса пусть занимаются учителя. Просто доверься нам, хорошо?

Янь Шань поджал губы. Он понимал, что учитель Чжан искренне пытается его защитить.

— Учитель Чжан, — вдруг спросил он, — если после распределения я окажусь в Нулевом классе, смогу ли я подать заявление, чтобы вернуться к вам?

Он улыбнулся:

— Если это твоё личное желание, мы можем обсудить это с руководством. Думаю, проблем не возникнет.

Только тогда Янь Шань почувствовал лёгкое облегчение.

Если его и впрямь заставят перевестись в Нулевой класс и каждый божий день любоваться кислой миной Лю Чунвэя, он точно впадёт в депрессию.

За ужином он всё ещё кипел от негодования, а потому в столовую не пошёл.

Юань Пэй притащил ему две порции као-лэнмянь. Они уселись на краю клумбы, лениво жуя и переговариваясь. Он уже выплакался. За вторую половину дня он, кажется, познал дзен и решил, что судьба рано или поздно сама во всём разберётся. Он даже начал утешать друга.

— Лю Датоу с его замашками рано или поздно сам нарвётся на неприятности, так что не бери в голову.

— Кстати, — Пэй-пэй замялся, — ты днём так сильно столкнулся с тем парнем... Как ты? Грудь не болит?

Янь Шань, хмуро ковырявший палочками лапшу, поднял голову:

— Откуда ты знаешь?

— Да... — Юань Пэй смутился. — В классе болтают. Кто-то сидел у окна и видел, как Лу Цунбай снёс тебя на полной скорости. Говорят, вы там знатно покатались кубарем.

Неприятные воспоминания тут же всплыли в памяти. Янь Шань в сердцах отставил еду и принялся поучать друга:

— Я чуть не лопнул от злости! Этот придурок заявил, чтобы я не путался под ногами. Ха! Если бы не он, я бы уже всё разрулил! Пэй-пэй, не вздумай с ним связываться. Этот тип совершенно ненадёжный. Кто рядом с ним — тому одни беды.

Юань Пэй замялся, чувствуя неловкость.

— Шань-шань, ну не говори так. Брат Лу тоже хотел как лучше. Он ведь только после моих слов о том, что Лю Датоу не так понял запись, пошёл в серверную всё перепроверять.

— Это дело сейчас так раздули, что почти вся параллель в курсе. Многие ребята подходили ко мне, говорили, что верят. Все знают, какой у Лю Датоу скверный характер, так что ему никто не верит.

Юань Пэй похлопал Янь Шаня по плечу:

— Нельзя так горячиться. Мой классрук сказал, что если я ничего не делал, то и вину на меня не повесят. Всё прояснится, честное имя мне вернут.

Янь Шань как вспомнил те гадости, которыми Лю Чунвэй поливал их днём, так снова завёлся. Имя-то, может, и вернут, но как быть с оскорблениями? Неужели Лю Датоу просто так всё сойдёт с рук? Этот человек дорожит своей репутацией пуще жизни, он ни за что не извинится. Они всё равно остались в дураках.

Но, трезво оценив ситуацию, он признал: если Пэй-пэй оправдают — это уже победа. Требовать большего было бы наивно.

Вечером в классе включили телевизор — пришло время школьных новостей.

На экране появилось лицо ведущего.

Янь Шань вяло мазнул взглядом по монитору и, увидев там Лу Цунбая, с отвращением отвернулся.

Сначала, как обычно, транслировали десятиминутку официальных новостей, а затем настало время местных сводок.

У Лу Цунбая был на удивление приятный голос. Он не пытался играть роль, говорил своим естественным тембром — мягко и уверенно, словно вёл душевную беседу.

Внезапно тон его изменился:

— Сегодня произошло событие, заслуживающее нашего внимания. Заместитель директора по учебной работе, учитель Лю, задержал ученика по подозрению в списывании. Однако на данный момент факт нарушения остаётся под большим вопросом.

В классе воцарилась тишина. Все уставились на экран.

Там появился фрагмент записи с камер — не из кабинета, а из коридора. Камера смотрела под углом, который позволял идеально рассмотреть Юань Пэя, сидевшего прямо у окна.

Янь Шань опешил.

— Охренеть! — выкрикнул кто-то из одноклассников. — Лу Цунбай даёт! Он что, реально вывел записи на общий экран? Где он их вообще взял?

— Слышали, Лю Датоу застукал его в серверной? Теперь ему две тысячи слов объяснительной строчить. Так вот ради чего он лез! Красавчик.

— Его же вице-директор лично пригласил учиться... Понятно, почему у отличника такая смелость.

Янь Шань, как и все остальные, сидел с открытым ртом, глядя на десятиминутный разбор полётов.

—... С этого ракурса отчётливо видно, — вещал с экрана Лу Цунбай, — что руки ученика всё

время находились на столе. В ящике и на парте нет никаких посторонних предметов. Вероятность использования шпаргалки стремится к нулю.

— Рукава школьной формы закатаны по локоть. На этом стоп-кадре видно, что на ладонях и предплечьях нет никаких записей или пометок.

Под конец, за полторы минуты до планового отключения сигнала, Лу Цунбай снова появился в кадре. С совершенно невозмутимым видом он подвёл итог:

— Таковы школьные новости на сегодня. Спасибо за внимание.

В классе поднялся невообразимый гвалт. Кто-то свистел, кто-то аплодировал.

— Вот это он его приложил!

— Жесть! Лю Датоу же сейчас лопнет от ярости!

— Всё так чётко разложил, по полочкам. Он стопудово парня подставил. Вечно он так... Даже учителем его называть не хочется.

— А что за челик? Не побоялся пойти против Датоу, сурово.

Сигнал прервался, на чёрном фоне поплыла надпись «Нет сигнала».

В классе стоял шум, все бурно обсуждали увиденное. Янь Шань даже не пытался навести порядок. Он сверлил глазами тёмный экран и от злости жевал рукав формы.

«Высочка! Опять решил порисоваться!»

Теперь вся школа знала, что за Юань Пэя заступился именно Лу Цунбай. Янь Шань снова проиграл!

Его так распирало от обиды, что при каждом глубоком вздохе в груди ныл ушиб. Лёгкая колющая боль в рёбрах напомнила о дневном столкновении, и Янь Шань разозлился ещё сильнее.

Этот Лу Цунбай точно послан небесами ему в наказание.

Не прошло и двадцати минут, как у дверей класса вырос Лю Чунвэй. С чёрным от гнева лицом он выудил Янь Шаня из кабинета и потащил в учительскую — на вторую порцию нравоучений.

Виновник торжества, Лу Цунбай, разумеется, уже был там.

Они стояли плечом к плечу, а Лю Чунвэй костил их на чём свет стоит.

Янь Шань пребывал в полнейшем унынии:

«За что меня-то опять распекают? Я же вообще палец о палец не ударил!»

Он ведь даже новости не вёл, смиренно сидел в классе и смотрел телевизор.

Он буквально заходился в крике:

— Вы двое! С каждого по полторы тысячи слов покаянной речи! В понедельник на линейке зачитаете перед всей школой, во всеуслышание! И не дай бог мне не понравится — влеплю по выговору!

Затем он снова переключился на Лу Цунбая. Его шея побагровела, казалось, от избытка чувств его вот-вот хватит удар. Наконец, задохнувшись, он бессильно рухнул в кресло.

— Дай... дай отдышаться. Жди здесь, — прохрипел он, указывая на Лу.

Пока Лю Датоу распинался, Янь Шань заметил, что Лу Цунбай послушно и часто кивал, старательно изображая глубокое раскаяние. Это показалось странным. Улучив момент, пока учитель жадно пил воду, Янь Шань посмотрел на соседа...

В ушах Лу Цунбая торчали плотные ватные затычки.

Этот наглец вообще не слышал ни единого слова из тирады Лю Чунвэя.

Минимум вреда, максимум издёвки.

Янь Шань не выдержал и прыснул, но тут же прикусил язык. Лю Чунвэй, разумеется, тоже заметил неладное. Он подскочил к парню, вырвал ватки и затряс ими перед его носом. Его руки буквально ходили ходуном.

— Ты... Да ты!..

— Вон! Оба вон отсюда!

Янь Шаня снова выставили за дверь. За всю свою жизнь он ни от одного учителя не терпел подобного отношения.

И всё благодаря Лу Цунбаю.

Тот шёл впереди, засунув руки в карманы. Выглядел он вполне довольным жизнью и даже что-то тихо напевал под нос. Янь Шань злился на него до зубовного скрежета, но любопытство взяло верх.

— Эй.

Лу Цунбай обернулся.

— Ты зачем это устроил? — спросил Янь Шань. — Не боишься, что Лю Датоу тебе теперь жизни не даст?

— Мне плевать, — равнодушно отозвался Лу. — Учиться везде можно одинаково. А Юань Пэй — парень нормальный, почему бы не помочь.

Он пнул какой-то камешек на полу и искоса глянул на Янь Шаня:

— И учти, твои полторы тысячи слов — это не моя вина. Старик сам тебе их назначил, с ним и разбирайся.

Янь Шань лишь фыркнул и ускорил шаг, обгоняя его.

— Ты главное меня больше не впутывай. Меньше всего на свете я хочу иметь с тобой что-то общее.

— Мои мысли в точности, — донеслось ему в спину.

«Раздражает».

Спустя несколько дней страсти по делу о списывании поутихли.

Прошёл слух, что Юань Пэй был не единственной жертвой Лю Датоу. Оказалось, всё началось из-за какого-то парня из восемнадцатого класса, который вечно хулиганил, а тут внезапно поднялся в рейтинге сразу на восемьсот позиций. Лю Чунвэй не поверил, что «сорняк» может взяться за ум, и инициировал тотальную проверку. Нескольких нарушителей он и впрямь поймал, но заодно под раздачу попали и честные ребята вроде Юань Пэя.

— Лю Датоу свято верит, что люди делятся на сорта, — ворчал Юань Пэй. — Мол, из паршивой овцы никогда не выйдет толка. Как такого вообще к детям подпустили?

Янь Шань, подбивая края своей объяснительной о стол, философски заметил:

— Таких людей в мире пруд пруди. Насмотрелся я на них, ещё и не такое увидишь.

— Слушай, Шань-шань, — полюбопытствовал Пэй-пэй. — Ты так уверенно говоришь... Тебе что, попадались такие же мерзкие жильцы? Прямо как Лю Чунвэй?

— Бывали и похлеще. Ты когда-нибудь видел, чтобы люди съезжали, оставив после себя полный дом кошек и собак? Там не квартира была, а филиал ада. Даже вспоминать не хочу.

Янь Шань сладко потянулся и с облегчением откинулся на спинку стула.

— Но вчера я наконец вытряс из того типа компенсацию. В комнате всё отдраили, запаха больше нет, мебель заменили. В следующий раз поищу кого-нибудь тихого и спокойного.

— Так сдай комнату кому-то из наших, — предложил Юань Пэй. — Пусть денег меньше, зато ученики Четвертой средней школы — люди приличные.

— Ученики-то приличные, а вот учителя... — Янь Шань вздохнул и поднялся, прихватив свои листки. Он похлопал друга по плечу. — Ладно, я на стадион. Не забудь полюбоваться моей героической фигурой на трибуне.

Юань Пэй посмотрел на него слёзными глазами:

— Брат, я тебя не забуду. Ты же из-за меня страдаешь...

Янь Шань поморщился:

— Всё, молчи. И так тошно.

Ученики потянулись из классов на стадион.

Понедельник. Церемония поднятия флага.

Обычно всё шло по накатанной: гимн, поднятие флага, затем выступления. Сначала отличники, активисты или те, кто показал лучший прогресс. В финале — речь директора.

Директор Четвертой средней школы был добродушным толстяком. Всегда улыбочивый, ростом едва ли метр шестьдесят, он каждое утро обходил школу, слушая, как ученики читают вслух.

Но так как на прошлой неделе в параллели десятых классов случился скандал, в программу втиснули трёх «смертников».

Перед началом церемонии Янь Шань уже стоял у трибуны, где снова встретил Лу Цунбая. Вскоре к ним примкнул парень с копной кудрявых волос. Он тёр глаза и выглядел так, будто проснулся пять минут назад.

Он удивился:

«Этот-то чем Лю Датоу не угодил?»

Дождавшись, пока никто не будет смотреть, он придвинулся к Лу Цунбаю:

— Эй, Лу Цунбай, знаешь его?

Лу, скрестив руки на груди, сверлил ледяным взглядом стоявшего неподалёку Лю Чунвэя. Услышав вопрос, он мельком глянул на кудрявого.

— Из восемнадцатого класса. Вэнь Ян.

— А он что натворил?

— То же самое — списывание. Слишком резко рванул вверх в рейтинге, Лю Чунвэй не поверил.

Янь Шань возмутился:

— Совсем больной? А если у человека озарение случилось? Может, он за ум взялся?

Лу Цунбай повернулся к нему и с невозмутимым видом уточнил:

— На прошлом экзамене по математике у Вэнь Яна было тринадцать баллов. В этот раз — сто тридцать два.

Янь Шань поперхнулся:

—... А уверены, что это он сам пришёл?

Лу Цунбай снова отвернулся:

— Не знаю. Но говорят, когда он в реку прыгнул и его вытащили, он головой знатно приложился. Не исключено, что случилось медицинское чудо.

«Ничего себе».

— Ты же только перевёлся, — подозрительно спросил Янь Шань, — откуда ты столько знаешь?

— Люблю сплетничать, — бросил Лу.

Янь Шань только рот открыл.

Церемония поднятия флага завершилась.

Ведущий быстро объявил следующий этап.

Лу Цунбай поднялся первым. С каменным лицом и абсолютно монотонным голосом он зачитал текст. Ни тени искренности — казалось, он зачитывает скучный отчёт о проделанной работе.

Настала очередь Янь Шаня.

Он вышел на трибуну, завёл руки за спину. Перед ним расстилалось море из синих школьных пиджаков. Сотни лиц смотрели вверх, ожидая покаяния.

Янь Шань привык выступать — он делал это десятки раз. Обычно он заучивал речь заранее и читал её по памяти, ненавязчиво демонстрируя всем свою фотографическую память.

Но в этот раз, когда он уже открыл рот, план резко изменился.

В голове Янь Шаня созрела блестящая идея — способ восстановить справедливость и для себя, и для Пэй-пэя.

Он откашлялся и громко начал:

— Сегодня я стою здесь с глубочайшим раскаянием, чтобы перед лицом всей школы признать свои ошибки.

— Размышляя над событиями прошлой недели, я вновь и вновь вспоминаю мудрые наставления учителя Лю. Ведь он вовсе не говорил нам фраз вроде: «Списывание есть списывание, я учитель, и моё слово — закон». И он, конечно же, не заявлял: «Какой толк проверять записи камер? У меня за плечами десять лет стажа, неужели я могу ошибиться?» И уж тем более учитель Лю не произносил таких слов, как: «Выйдете в люди — будете все за копейки на дядю пахать».

— Эти наставления учителя Лю глубоко тронули нас с моим дорогим одноклассником Лу Цунбаем.

— В дальнейшей беседе учитель Лю призывал нас наполнять разум знаниями и ни в коем случае не говорил...

Янь Шань вещал лениво и размеренно. Он виртуозно вплетал в канву «покаяния» каждую мерзкую цитату Лю Чунвэя, выдавая её за то, чего учитель «якобы не говорил».

Толпа внизу ахнула. Поднялся гул.

Улучив момент, он приоткрыл один глаз. На краю поля зрения Лю Чунвэй багровел и порывался выскочить на сцену, но его удерживали другие учителя. Янь Шань мысленно ликовал.

Шум на стадионе становился всё громче, а Янь Шань продолжал. Не выказывая никаких эмоций, он с пугающей точностью цитировал Лю Датоу: как тот единолично решал судьбы учеников, как игнорировал видеодоказательства, как подменял факты своими догадками. Из его слов, словно из мозаики, складывалась кристально ясная картина того, что произошло на самом деле.

И ведь не прикопаешься — он просто повторял слова учителя.словно живой репродуктор.

Выложив всё до последнего слова, Янь Шань резюмировал:

— После случившегося мы с моим лучшим другом Лу Цунбаем осознали всю глубину своих заблуждений и решили встать на путь исправления. На этом моё признание окончено. Прошу всю школу быть свидетелями.

Он перевёл дух и начал спускаться.

— Кто это тут тебе «лучший друг»? — донёлся до него злой шёпот Лу Цунбая.

Янь Шань глянул на него. Лицо Лу Цунбая перекосило, будто он только что проглотил жирную муху.

На душе у Шаня стало несказанно легко. Он придал голосу приторно-нежный оттенок и пропел:

— Ну как же, ты, мой дорогой напарник.

Лу Цунбай почернел лицом ещё на пару тонов.

Янь Шань окончательно расцвёл. Плевать, что он и сам получил нагоняй, главное — допечь Лу Цунбая. Не зря же он тогда на мосту так опозорился.

Лу Цунбай долго менялся в лице, прежде чем выдавил сквозь зубы:

— Ладно. Память у тебя и впрямь... выдающаяся.

Янь Шань победно улыбнулся:

— А то. Таких, как я, на весь мир по пальцам пересчитать.

— Вижу, скромности тебе тоже не занимать, — буркнул Лу.

— Ой, ну что ты, — кокетливо отозвался Янь Шань. — Похвала заслужена.

<http://bllate.org/book/17575/1710565>